

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

*Жизнь
Клима Самгина*

3

часть

УДК 82-311.6

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44

Г71

Горький, М.

Г71 Жизнь Клима Самгина: Часть 3 / М. Горький. — М.: Т8RUGRAM, 2017. — 294 с.

ISBN 978-5-521-78346-5

Жизнь Клима Самгина» – роман-эпопея, самое крупное, итоговое произведение Максима Горького. Состоит из четырёх частей. Роман писался с 1925 года до смерти Горького в 1936 году.

УДК 82-311.6

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44

BIC FC

BISAC FIC004000

ISBN 978-5-521-78346-5

© Т8RUGRAM, 2017

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Дома, по комнатам тяжело носила изработанное тело свое Анфимьевна.
— Схоронили? Ну вот, — неопределенно проворчала она, исчезая в спальне, и оттуда Самгин услышал бесцветный голос старухи: — Не знаю, что делать с Егором: пьет и пьет. Царскую фамилию жалеет, — выпустила вожжи из рук.

Самгин попросил чаю и, закрыв дверь кабинета, прислушался, — за окном топали и шаркали шаги людей. Этот непрерывный шум создавал впечатление работы какой-то машины, она выравнивала мостовую, постукивала в стены дома, как будто расширяя улицу. Фонарь против дома был разбит, не горел, казалось, что дом отодвинулся с того места, где стоял.

«Свершилось, — думал Самгин, закрыв глаза и видя слово это написанным как заголовок будущей статьи; слово даже заканчивалось знаком восклицания, но он стоял криво и был похож на знак вопроса. — В данном случае похороны как бы знаменуют воскресение нормальной жизни».

Думалось лениво и неутешительно, мешали Митрофанов, Лютов, мешало воспоминание о Никоновой.

«Неужели она донесла на Митрофанова?»

Затем он вспомнил, как неудобно было лежать в постели рядом с нею, она занимала слишком много места, а кровать узкая. И потом эта ее манера бережно укладывать груди в лиф...

Несколько часов ходьбы по улицам дали себя знать, — Самгин уже спал, когда Анфимьевна принесла стакан чаю. Его разбудила Варвара, дергая за руку с такой силой, точно желала сбросить на пол.

— Проснись же! Ты слышишь? Около университета стреляли...

Она была в шубке, от нее несло холодом и духами, капельки талого снега блестели на шубе; хватая себя рукою за горло, она кричала:

— Ужас! Масса убитых! Мальчика...

— Мальчика? — повторил Самгин. — А может быть...

— Что — может быть? А, чорт!

Ей, наконец, удалось расстегнуть какой-то крючок, и, сбросив холодную шубку на колени Клима, срывая с головы шляпку, она забегала по комнате, истерически выкрикивая:

— И вообще — решено расстреливать. Эти похороны! В самом деле, — сам подумай, — ведь не во Франции мы живем! Разве можно устраивать такие демонстрации!

В столовой голос Кумова произнес:

— Какое... безумие!

— Кто стрелял? — недоверчиво спросил Самгин.

— Из манежа. Войска. Стратонов — прав: дорого заплатят еврею за эти похороны! Но — я ничего не понимаю! — крикнула она, взмахнув шляпкой. Разрешили, потом — стреляют! Что это значит? Что ты молчишь?

И она убежала, избавив Клима от обязанности говорить.

«Наверное, преувеличено», — соображал он, сидя и вслушиваясь в отрывистые выкрики жены:

— Да, да... ужас!

Шаги людей на улице стали как будто быстрее. Самгин угнетенно вышел в столовую, — и с этой минуты жизнь его надолго превратилась в сплошной кошмар. На него наткнулся Кумов; мигая и приглаживая красными ладонями волосы, он встряхивал головою, а волосы рассыпались снова, падая ему на щеки.

— Без-зумие, — сквозь зубы сказал он, отходя к телефону, снял трубку и приставил ее к щеке, ниже уха.

— Телефон же не работает! — крикнула Варвара.

— Я не верю, не верю, что Петербургом снова командует Германия, как это было после Первого марта при Александре Третьем, — бормотал Кумов, глядя на трубку.

— Никуда я вас не пущу, Кумов! Почему вы думаете, что он тоже пошел по Никитской? И ведь не всех, кто шел по Никитской...

В столовую птицей влетела Любаша Сомова; за нею по полу тащился плед; почти падая, она, как слепая, наткнулась на стол и, задыхаясь, пристукивая кулаком, невероятно быстро заговорила:

— Туробоев убит... ранен, в больнице, на Страстном. Необходимо защищаться — как же иначе? Надо устраивать санитарные пункты! Много раненых, убитых. Послушайте, — вы тоже должны санитарный пункт! Конечно, будет восстание... Эсеры на Прохоровской мануфактуре...

Варвара грубо и даже как будто озлобленно перебивала ее вопросами. Вошла Анфимьевна и молча начала раздевать Любашу, а та вырывалась из ее рук, вскрикивая:

— Оставьте! Я сейчас уйду... Ах, боже мой, да оставьте же...

— Никаких пунктов! — горячо шепнула Варвара в ухо мужа. — Ни за что! Я — не могу, не допущу...

Подпрыгивая, точно стараясь вскочить на стол, Любаша торопливо кричала:

— Гогины уже организуют пункт, и надо просить Лютова, Клим! У него пустой дом. И там такой участок, там — необходимо! Иди к нему, Клим. Иди сейчас же...

— Да, да, иди, Клим, — убедительно повторила Варвара, под сердитый крик Сомовой:

— Отдайте мне кофту и плед!

— Ну — куда, куда ты пойдешь? — говорила Анфимьевна, почему-то басом, но Любаша, стукнув по столу кулачком, похожим на булку «розан», крикнула на нее:

— Вы ничего не понимаете! Вы... рыба! За Алексеем Гогиным гнались какие-то... стреляли...

Анфимьевна увела Любашу, Варвара снова зашептала мужу:

— Ты иди, уговори Лютова, он человек с положением, а у нас — нет, благодарю!

Самгин пошел одеваться, не потому, что считал нужными санитарные пункты, но для того, чтоб уйти из дома, собраться с мыслями. Он чувствовал себя ошеломленным, обманутым и не хотел верить в то, что слышал. Но, видимо, все-таки случилось что-то безобразное и как бы направленное лично против него.

«Надобно защищаться. Будет восстание, — выйдя на улицу, мысленно повторял он крики Любаши. — Идиотка».

Но, обругав Сомову, подумал, что эти узкие, кривые улицы должны быть удобны для баррикад. И вслед за этим неприятно вспомнилось, как 8 октября рабочие осматривали город глазами чужих людей, а затем вдруг почувствовал, что огромный, хаотический город этот — чужой и ему — не та Москва, какою она была за несколько часов до этого часа. На нее обрушилась холодная темнота и, затислав людей в домики, в дома, погасила все огни на улицах, в окнах. Лишь очень редко, за плюшевыми наростами инея на стеклах окон, нищенски жалобно мерцали желтые пятна. Во тьме играла, сеялась остренькая, колючая пыль. Город стал не реален, как не реально все во тьме, кроме самой тьмы.

И, как всякий человек в темноте, Самгин с неприятной остротой ощущал свою реальность. Люди шли очень быстро, небольшими группами, и, должно быть, одни из них знали, куда они идут, другие шли, как заплутавшиеся, уже раза два Самгин заметил, что, свернув за угол в переулок, они тотчас возвращались назад. Он тоже невольно следовал их примеру. Его обогнала небольшая группа, человек пять; один из них курил, папироса вспыхивала часто, как бы в такт шагам; женский голос спросил тоном обиды:

— Господа, — неужели это серьезно? — И крикнул: — Да бросьте папиросу!

Вздрогнув, Самгин подумал, что Москва в эту ночь страшнее Петербурга, каким тот был ночью на 10 января. Он стал напряженно вслушиваться, ожидая поймать памятные щелчки ружейных выстрелов. Но слух ловил какие-то удары, точно хлопали ворота или Двери, ловил вдали непонятное потрескивание, — так трещит дерево, разрываемое морозом. Иногда казалось, что ходят по железной крыше, иногда что-то скрипело и падало, как будто вдруг обрушился забор. Плутая в петлях улиц и переулков, во тьме, которая шелушилась все обильнее, Самгин подумал, что видеть Лютова будет очень неприятно, и окончательно решил: санитарные пункты — детская выдумка.

«В сущности, я необдуманно вышел из дома, — размышлял он, замедлив шаги. — Эта стрельба, наверное, — недоразумение».

Но он, вспомнив, что ему хотелось думать о преступлении 9 января тоже как о недоразумении, оттолкнул догадки о происшедшем сегодня и решил возвратиться домой. Алина, конечно, знает, идти к ней нет смысла. Туробоев так и должен был кончить. В сущности, он авантюрист. Такие кончают самоубийством или тюрьмой за уголовщину. Обломок разрушенного сословия. Возможно, что Алина все еще любит его. Кто-то сказал, что женщина всю жизнь любит первого мужчину, но — памятью, а не плотью. Он повернул за угол в переулок; через несколько шагов его окликнули:

— Кто идет?

Перед ним встал высокий человек, зажег спичку и, осветив его лицо, строго спросил:

— Живете в этом переулке?

— Нет.

— Здесь проход закрыт.

Самгин не спросил — почему. В глубине переулка, побрякивая и негромко переговариваясь, возились люди, тащили по земле что-то тяжелое.

«Конечно, студенты. Мальчишки», — подумал он, натужно усмехаясь и быстро шагая прочь от человека в длинном пальто и в сибирской папахе на голове. Холодная темнота, сжимая тело, вызвала вялость, сонливость. Одолевали мелкие мысли, — мозг тоже как будто шелушился ими. Самгин невольно подумал, что почти всегда в дни крупных событий он отдавался во власть именно маленьких мыслей, во власть деталей; они кружились над основным впечатлением, точно искры над пеплом костра.

«Это — свойство художника, — подумал он, приподняв воротник пальто, засунул руки глубоко в карманы и пошел тише. — Художники, наверное, думают так в своих поисках наиболее характерного в главном. А возможно, что это своеобразное выражение чувства самозащиты от разрушительных ударов бессмыслицы».

Он повернул за угол, в свою улицу, и почти наткнулся на небольшую группу людей. Они стеснились между двумя палисадниками, и один из них говорил, негромко, быстро:

— Веру — царя — отечество...

Три слова он произнес, как одно. Самгин видел только спины и затылки людей; ускорив шаг, он быстро миновал их, но все-таки его настигли торопливые и очень внятные в морозной тишине слова:

— Забастовщики подкуплены жидами, это — дело ясное, и вот хоронили они — кого? А — как хоронили? Эдак-то в прошлом году генерала Келлера не хоронили, а — герой был!

«Тоже — «объясняющий господин», — подумал Клим, быстро подходя к двери своего дома и оглядываясь. Когда он в столовой зажег свечу, то увидел жену: она, одетая, спала на кушетке в гостиной, оскалив зубы, держась одной рукой за грудь, а другою за голову.

— Лютов был, — сказала она, проснувшись и морщась. — Просил тебя придти в больницу. Там Алина с ума сходит. Боже мой, — как у меня голова болит! И какая все это... дрянь! — вдруг взвизгнула она, топнув ногою. — И еще — ты! Ходишь ночью... Бог знает где, когда тут... Ты уже не студент...

Нервно расстегивая кофту, она ушла, захватив свечу.

— Ты забыла, что ушел я с твоего соизволения, — сказал он вслед ей и подумал:

«Растрепана, как...»

Позорное для женщины слово он проглотил и, в темноте, сел на теплый диван, закурил, прислушался к тишине. Снова и уже с болезненной остротой он чувствовал себя обманутым, одиноким и осужденным думать обо всем.

«Это и есть — моя функция? — спросил он себя. — По Ламарку — функция создает орган. Органом какой функции является человек, если от него отнять инстинкт пола? Толстой прав, ненавида разум».

Папироса погасла. Спички пропали куда-то. Он лениво поискал их, не нашел и стал снимать ботинки, решив, что не пойдет в спальню: Варвара, наверное, еще не уснула, а слушать ее глупости противно. Держа ботинок в руке, он вспомнил, что вот так же на этом месте сидел Кутузов.

«Конечно, он теперь где-нибудь разжигает страсти...» Тут Самгин вдруг почувствовал, что в нем точно нарыв лопнул и по всему телу разлились холодные струйки злобы.

«И прав! — мысленно закричал он. — Пускай вспыхнут страсти, пусть все полетит к чорту, все эти домики, квартирки, начиненные заботниками о народе, начетчиками, критиками, аналитиками...»

— Почему ты не ложишься спать? — строго спросила Варвара, появляясь в дверях со свечой в руке и глядя на него из-под ладони. — Иди, пожалуйста! стыдно сознаться, но я боюсь! Этот мальчик... Сын доктора какого-то... Он так стонал...

В ночной длинной рубашке, в чепчике и туфлях, она была похожа на карикатуру Буша.

— Странно ты ведешь себя, — сказала она, подходя к постели. — Ведь я знаю — все это не может нравиться тебе, а ты...

— Молчи! — вполголоса крикнул он, но так, что она отшатнулась. — Не смей говорить — знаю! — продолжал он, сбрасывая с себя платье. Он первый раз кричал на жену, и этот бунт был ему приятен.

— Ты с ума сошел, — пробормотала Варвара, и он видел, что подсвечник в руке ее дрожит и что она, шаркая туфлями, все дальше отодвигается от него.

— Что ты знаешь? Может быть, завтра начнется резня, погромы...

Варвара как-то тяжело, неумело улеглась спиной к нему; он погасил свечу и тоже лег, ожидая, что еще скажет она, и готовясь наговорить ей очень много обидной правды. В темноте под потолком медленно вращались какие-то дымные пятна, круги. Ждать пришлось долго, прежде чем в тишине прозвучали тихие слова:

— Не понимаю, почему нужно злиться на меня? Ведь не я делаю революции...

Он ждал каких-то других слов. Эти были слишком глупы, чтобы отвечать на них, и, закутав голову одеялом, он тоже повернулся спиной к жене.

«Кричать на нее бесполезно. И глупо. Крикнуть надобно на кого-то другого. Может быть, даже на себя».

Но — себя жалко было, а мысли принимали бредовой характер. Варвара, кажется, плакала, все сморкалась, мешая заснуть.

«Вероятно, ненавидит меня. Но я сам, кажется, скоро тоже возненавижу себя». И от этой мысли жалость его к себе возросла.

Заснул он под утро, а когда проснулся и вспомнил сцену с женой, быстро привел себя в порядок и, выпив чаю, поспешил уйти от неизбежного объяснения.

«Москва опустила руки», — подумал он, шагая по бульварам странно притихшего города. Полдень, а людей на улицах немного и все больше мелкие обыватели; озабоченные, угрюмые, небольшими группами они стояли у ворот, куда-то шли, тоже по трое, по пяти и более. Студентов было не заметно, одинокие прохожие — редки, не видно ни извозчиков, ни полиции, но всюду торчали и мелькали мальчишки, ожидая чего-то.

Вход в переулок, куда вчера не пустили Самгина, был загроможден телегой без колес, ящиками, матрацем, газетным киоском и полотнищем ворот. Перед этим сооружением на бочке из-под цемента сидел рыжебородый человек, с папиросой в зубах; между колен у него торчало ружье, и одет он был так, точно собрался на охоту. За баррикадой возились трое людей: один прикручивал проволокой к телеге толстую доску, двое таскали со двора кирпичи. Все это вызвало у Самгина впечатление озорной обывательской забавы.

В приемной Петровской больницы на Клима жадно бросился Лютов, растрепанный, измятый, с воспаленными глазами, в бурых пятнах на изломанном гримасах лице.